

объектов – словарей и небольших справочных пособий, включающих компаративную фразеологию. В.М. Мокиенко на базе картотеки, собираемой более 20 лет и насчитывающей свыше 15 тысяч русских сравнений (включая народные, диалектные, сленговые, архаичные и т.п.), подготовил “Большой словарь устойчивых сравнений русского языка” (в печати). Это будет первый в отечественной лексикографии опыт полного собрания русских устойчивых сравнений. В него включено около 11 тысяч сравнительных оборотов разного типа. До сих пор были изданы лишь небольшие справочные пособия двух авторов с материалом аналогичного рода. Первое из них – словарь “Постоянные сравнения русского языка (справочное пособие)” Л.А. Лебедевой², в котором насчитывается 207 словарных статей. Появившееся несколько лет назад второе издание включает до 1000 устойчивых сравнений. Небольшой иллюстрированный словарь “Устойчивые сравнения русского языка” В.М. Огольцева³, первоначально изданный на английском языке и включающий 550 устойчивых сравнений, предназначен иностранцам-филологам.

Более четверти века назад Ф.М. Янковский, всю свою жизнь по крупицам собиравший “залацнкі народнай мудрасці”, предложил читателю первый словарь народных сравнений белорусского языка, составленный с большой любовью автора к родному слову⁴. В словаре нашли отражение сравнения, различающиеся как по структуре (в основном – это конструкции с компаративными союзами), так и по сфере употребления (в первой части даны сравнения из разговорной речи, а во второй – из народных песен). В первом переводном англо-белорусском словаре компаративов 348 английских УС переведены соответствующими белорусскими вариантами с союзом *как*⁵.

¹ Чернышёва И.И. Фразеология современного немецкого языка. – М., 1970.

² Лебедева Л.А. Постоянные сравнения русского языка (справочное пособие). – Краснодар: Изд-во Краснодарского ун-та, 1975.

³ Огольцев В.М. Устойчивые сравнения русского языка. – М.: Русский язык, 1984.

⁴ Янкуоскі Ф.М. Беларуска народныя параўнанні: Кароткі слоўнік – Мн., 1973.

⁵ Корсак Л.Д., Марціновіч Л.С. Англа-беларускі слоўнік фразеалагізмаў параўнальнага тыпу. – Мн.: Вышэйш.шк., 1984.

Т.Г. Трофимович (Минск)

СТАРОРУССКИЕ НЕОДНОСЛОВНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ: ФАКТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

К числу актуальных проблем современной лингвистики можно отнести изучение механизмов языковой номинации. Полноценное познание закономерностей номинативной деятельности человека, особенностей функционирования наименований оказывается невозможным без

изучения тех сведений, которые может предоставить исследователю русский язык прошлого.

Известно, что в старорусский период (XV–XVI вв.) широкое распространение получила деловая письменность, язык которой был тесно связан с живой народной речью и сыграл существенную роль в становлении русского национального языка. В ономаσιологическом аспекте деловой язык изучался мало, хотя содержит богатый материал для наблюдений такого рода.

Старорусская деловая письменность располагала развитым набором средств номинации лиц. Наряду со словом для этой цели активно использовались словосочетания, которые характеризовались высокой активностью, возникали как бы «серийно». Универбальные номинации *крестьянин, бобыль, казак, холоп, староста* и многие другие становились базой для образования составных наименований атрибутивного типа.

Наиболее многочисленной была группа наименований с компонентом *люди*. Традиции их высокой активности восходят к древнерусскому языку: известные «Материалы...» Г. Кочина зафиксировали 168 таких названий. Наши подсчеты показали, что приблизительно половина из них не была унаследована старорусским языком, а является новообразованиями.

При возникновении неоднословного наименования включается механизм семантического распространения элементарного однословного названия, происходит его детализация. Типовая модель смысловых отношений в возникшей таким образом номинации – «признак + предмет». Происходит процесс развертывания базового наименования.

Насколько детальным может быть такое развертывание, в какой мере частным может быть привлеченный в именование признак? Основная группа проанализированных нами названий содержит двух- и трехуровневую детализацию, когда названный признак сужает общее понятие признака дважды или даже трижды.

Многочисленны расчлененные наименования, в которых актуализован признак по действию, направленному на номинированное лицо (пациенсный). Акт номинации протекал по схеме: «люди, с которыми что сделали?». Так, вероятно, возникли названия *люди воеванные, выборные, выводные, даточные, понятые, порченые, посылные, приводные, приданные, приписные, разоренные, раненые, розбитые, свозные, спорные, ссыльные, сыскные, убитые, утаенные*.

Активным при возникновении рассматриваемых названий оказался признак по действию, совершаемому самим лицом (агентивный). По модели «люди, которые что делали, делают?» возникли наименования *люди беглые, бродячие, воровские, выбылые, гулящие, избылые, обнищальные, отводные, ослушные, пашенные, приезжие, прихожие, проезжие, промышленные, работные, служилые, схожие*.

По месту жительства, работы или месту временного пребывания называли людей словосочетания *люди волостные, городовые, дворовые, деревенские, домовые, думные, задворные, зарубежные, комнатные, ла-*

вочные, местные, монастырские, окольные, порубежные, посадские, приказные, придворные, крымские, литовские, московские, тутошние.

Многие неоднословные названия людей содержали вербально выраженный абсолютный, безотносительный признак. Используемое в качестве атрибутивного компонента прилагательное могло реализовывать свое прямое значение: *люди бедные, богатые, вольные, всякие, знатные, изможенные, именитые, одинокие, опричные, свойственные, скудные, старинные, сторонние, чужие*. Велико количество названий, в которых обозначен метафорический признак. С помощью метафоры происходило «вычерпывание новых свойств из объектов» (В.Н. Телия). Так появились *люди белые, большие, добрые, добровольные, лихие, лучшие, малые, мелкие, молодые, охочие, полные, прямые, средние, сильные, худые, черные*.

Часть названий содержит указание на посессивный признак – по принадлежности к чему или кому: *люди воинские, дворянские, духовные, мирские, посольские, солдатские, сотенные, церковные, боярские, тиуновы, наместничьи, шатерничьи* и др.

Старорусские неоднословные названия лиц могли содержать и другие, не так часто привлекаемые признаки: по обладанию/необладанию чем-либо (*люди бессемейные, семейные, гостиные, должные, беспашенные, непрожиточные* и др.); по виду подати, которой лицо обладалось (*люди тяглые, посошные, оброчные, пошлинные*); по документу, в который лицо было внесено (*люди данные, докладные, кабальные, крепостные* и др.). Схематично механизм рассматриваемых наименований может быть представлен так:

Старорусские неоднословные названия лиц могут быть рассмотрены и в связи с проблемой номинативного статуса словосочетания.

Если признать, что «идеальной» номинативной единицей является слово, то притязания словосочетания на номинацию можно в каком-то смысле оценить, выявив его сходство со словом. Речь в данном случае может идти не только о наличии у словосочетания денотативно-сигнификативного содержания. Компоненты словосочетания как бы «утрачивают свою номинативную самостоятельность, перераспределяют

значения и образуют иные, более сложные формальные и содержательные зависимости» (В.М. Никитевич)

Компонент *люди* в рассматриваемых неоднословных наименованиях редко реализует значение «живые существа». Актуальной оказывается «юридическая» часть семантического наполнения слова: *люди* «народ, подданные, свободное население страны», «зависимые лица, слуги, челядь»¹. Часть рассматриваемых названий характеризуется семантическим синкретизмом именного компонента. Так, например, *люди ближние* «приближенные, доверенные лица», *люди загонные* «участвующие в военном походе», *люди порубежные* «жители пограничных районов» и др., где *люди* – это и «живые существа», и «граждане», и «зависимые лица».

Переосмысление атрибутивного компонента тоже происходило. У ряда словосочетаний оно было незначительным (*люди беглые, бедные, дворянские* и др.). Подобные наименования составляют приблизительно две трети всех выявленных нами.

Метафорический перенос оказался действенным способом номинации, основанным на подобии именуемого и уже известного объекта. Метафорический смысл прилагательные чаще всего развивали самостоятельно, независимо от названий лиц. Об этом можно судить по другим наименованиям с подобными атрибутивными компонентами. Например, *люди белые* «лица, не несущие феодальной повинности, освобожденные от нее». Старорусскому языку были известны *белая соха, белая нива, белая земля, белое место*, в которых *белый* – «освобожденный от феодальной повинности» (1, 287), *люди прямые* «справедливые, честные» и *прямой бой, прямое слово, прямое дело* (21, 30) и т. д.

Расчлененные наименования с переосмыслением атрибутивного компонента возникли не только в древнерусский, но и в старорусский период. Приведем лишь некоторые примеры. *Люди докладные* – это «зависимые, зависимость которых оформлялась составлением докладной грамоты» (4, 291). (Ср.: *докладной холоп*) И в рядных писати полных и *докладных* и купленных *людей* (Ул., XX, 61). *Люди гулящие* – «не приписанные ни к служилым, ни к посадским, ни к крестьянам», «не имеющие собственного двора» (4, 157). И дети боярские *люди* приставливают... безкабально... к посадским людем, а иные к *гулящим людем*... (3А, 328). Заметим, что *гулять* нет в СДЯ, этимология его сложна. Однако в старорусский период функционировали словосочетания устойчивого типа *гулящие дни* (4, 158). Добавим, что старорусскими инновациями стали *люди белые, люди задворные, люди крепостные, люди комнатные, люди бродячие* и ряд других.

Старорусские неоднословные названия лиц обнаруживают и ряд других особенностей, характеризующих номинативные единицы: способность модифицироваться и увеличивать степень семантической детализации. Нанизывание атрибутивных компонентов, являющееся способом создания более узкого наименования, было широко распространено в языке

старорусской деловой письменности. Так, находим: *люди сильные старые (АПД), люди посадские лучшие (АПД), люди городовые посылные (КЧ), люди ближние комнатные (КЧ), люди выборные лучшие (ЗА), люди посадские беглые (ЗА), люди торговые городовые (ЗА)* и много других.

Нанизывание атрибутивных компонентов могло достигать и такого вида: И торговом и всяким людем даваны наши *тарханские жалованные новые грамоты...* (ЗА, 91). Бьёт челом тебе сирота твой *новоприсыльный опальной пашенный крестьянин* Елизарко Иванов. (КЧ, 214). А которые московские и *городовые посадские тяглые люди* сами или отцы их в прошлых годах живали на Москве... (Ул., XIX, 13). А которые *посадские черновые мастеровые люди* сошли с тяглых жеребьев и живут на Москве... (Ул., XIX, 24).

Предпринятая нами попытка изучения и описания старорусских неоднословных названий лиц показывает, что язык деловой письменности содержит богатый материал для историко-ономазиологических исследований. Интерес представляет механизм образования расчлененных наименований, их роль в системе номинативных средств языка, соотношение однословных, неоднословных единиц, субстантивированных дериватов и т. д. Исторический подход к проблемам языковой номинации актуален и перспективен.

¹ Словарь русского языка XI – XVII вв. Вып. 8.– М., 1981 – С. 341 – 342. Далее ссылки даются в тексте, первая цифра обозначает том, вторая – страницу.

Л.Н. Чумак (Минск)

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В КОМПАРАТИВНОМ АСПЕКТЕ

1. Конец XX века характеризуется в лингвистике значительными переменами и новыми направлениями в изучении языка. Проблема языковой личности, т.е. лингвистической интерпретации человека, признана одной из перспективнейших проблем нового столетия. Антропоцентрический подход к трактовке категорий грамматики связан с описанием картины мира в каждом языке, с исследованием взаимосвязи и взаимодействия понятий "язык - этнос - культура – социум". Переход от лингвистики описательной и классификационной к антропологической предполагает и новую методологию исследования: рассмотрение языка как феномена менталигета и человеческой психики, всякая грамматическая конструкция рассматривается как отражение "мировидения", которое можно сравнивать на материале нескольких языков.

В русской лингвистике концепция языковой личности разработана в трудах В.В. Виноградова, Г.И. Богина, Ю.Н. Караулова. Это человек, владеющий конкретным национальным языком и конкретным культурным фоном.